

Одержимость

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Карина Василь

Ссылка на публикацию

ОДЕРЖИМОСТЬ

Есть свойства — существа без воплощенья,

С двойною жизнью: видимый их лик —

В той сущности двоякой, чей родник —

Свет в веществе, предмет и отраженье.

Двойное есть – Молчанье – в наших днях,

Душа и тело — берега и море.

Одно живет в заброшенных местах,

Вчера травой поросших; в ясном взоре,

Глубоком, как прозрачная вода,

Оно хранит печаль воспоминанья,

Среди рыданий найденное знанье…

Эдгар А. По «Молчание»

Меня разбудил гром. В полной темноте я бросила взгляд на часы на камине. В отблеске догорающих поленьев я заметила, что до полуночи ещё час. Я нарочно сегодня легла раньше, чтобы иметь возможность выйти в сад и принести жертву. Сегодня моя дата – шестое июня тысяча девятьсот двадцатого года. Ровно двадцать семь лет с моего дня рождения. Я долго ждала. Долго высчитывала именно эту дату – согласно магической нумерологии, сумма цифр моего рождения, шестое июня тысяча восемьсот девяносто третьего года, и сегодняшней даты дают две шестёрки. А мое имя, написанное на иврите и согласно той же нумерологии, даёт еще одну шестёрку. Итак – шестьсот шестьдесят шесть. Да ещё день дьявола – шестое июня. Затмение солнца и луны, подходящее положение нужных планет в гороскопе. Нет, всё должно получиться. И если всё получится, то я сегодня же увижу своего Хозяина и воссяду с ним на престоле как хозяйка. Если бы только всё удалось…

Пробило четверть двенадцатого. Где-то за окном снова громыхнул гром. На этот раз ему предшествовала молния. Чёрт, только дождя не хватало! Как же тогда жертвоприношение? Дрова намокнут и костёр не разгорится.

Я соскочила с широкой кровати на холодный пол. Что делать? Мой взгляд метался по комнате, а ноги вышагивали по холодному полу, замерзая чуть ли не до коленей. Бензин! Как же я забыла? В гараже стояла машина, на которой я приехала в загородный дом, ставший после смерти отца моим. Правда, Хозяину не нравились посторонние запахи. Но машины считаются дьявольским изобретением, так что… Я улыбнулась. Надо поторопиться. Скоро гроза придёт сюда, и тогда ничего не выйдет. Придётся ждать ещё бог знает сколько лет до следующей даты. А тогда уже неизвестно, что со мной будет.

Я разыскала у кровати свои туфли и бегом бросилась из комнаты. О своём наряде для церемонии я подумаю после. Сейчас нет времени.

Я выбежала из дома в чём была. Оставшаяся прислуга спала. Я об этом позаботилась днём, вылив в их большой чан лошадиную дозу снотворного. Остальным я дала выходной. А соседи сидели дома из-за грозы или спали. Мне не нужно было бояться, что кто-то увидит меня. К тому же потрясения начала века и война на континенте хотя бы немного научила деревенских сплетниц совать свой нос в чужие дела не очень явно.

Я побежала в гараж. Канистра с бензином, которую я возила на всякий случай, стояла на своём месте. Я схватила её, и, разыскав фонарик, бросилась к солнечным часам. Канистра оттягивала руку и больно била по ногам.

Добравшись до места, я облегчённо бросила канистру и побежала в сарай за дровами. Юджин, эмигрант из Восточной Европы с непроизносимым для английского языка именем и ещё более варварской фамилией, которого я наняла на месяц и для простоты звала именно Юджином, нарубил достаточно дров для камина. Он всё жаловался на своём кошмарном английском на английскую сырость, из-за которой даже летом иногда приходилось топить камин и, как следствие, рубить дрова.

Поленья я разложила аккуратно и от души плеснула бензином из тяжёлой канистры. Брызги попали на сорочку и пеньюар. Я пошарила в карманах. Спички! Чёрт бы их побрал! Они остались на камине! Я бросилась обратно в дом, стараясь не сильно топать. Схватив спички, я взглянула на часы: без двадцати двенадцать! Скорее вниз!

Дрожащими руками я пыталась зажечь спички над воняющими бензином поленьями. Канистру я предварительно закрыла и поставила подальше. С третьей попытки я разожгла костёр. Подождав, пока вспыхнут политые бензином поленья, я поворошила их. Костёр горел ровно. Я заспешила в сарай за жертвами. Чёрная ворона или ворон – у меня не было времени проверять, чёрный упирающийся всеми конечностями козёл, чёрная курица и венец моего обряда – чёрный негр без примеси пуэрториканской или мексиканской крови. Я хотела сделать всё по правилам и подарить Хозяину шесть жертв. Но кошки и собаки почему-то разбегались от меня. А хозяева не горели желанием мне их продавать. Наверно мои философские взгляды и поиск истины возмущали их простые деревенские души. Так или иначе я рассчитывала, что человеческая жертва даже в бессознательном состоянии, должна извинить меня перед Хозяином за отсутствие других жертв. Я подхватила клетки с птицами и бегом бросилась к солнечным часам. Потом я потянула упирающегося козла. Однако, я подумала, что у костра мне не к чему будет его привязать. Поэтому я оставила козла в сарае, а взялась за тележку, на которой лежал прикрытый рогожей негр. Я ещё днём вкатила ему львиную дозу кокаина. На полпути я остановилась и

пощупала его пульс. Жив, значит может скоро очнуться. Я проверила верёвки на руках и ногах и кляп во рту. Затем, откинув со лба мокрые волосы, я потолкала тележку дальше. Оставив тележку у часов, я бросилась к козлу. Проклятое животное упиралось. Его копыта скользили по мокрой земле, оставляя глубокие борозды, а рогами он норовил поддеть мой зад.

Наконец я собрала всех у солнечных часов. Уперев тележку поглубже в землю, я привязала к ней козла. Он брыкался и бодался, поэтому я отошла от него немного. Взглянув на свои часы – была почти полночь – я нащупала в кармане пеньюара нож. Хоть его я не забыла. Затем я очертила круг вокруг солнечных часов, как могла ровно прочертила пентаграмму ножом и вышла за круг. В небе сверкнула молния и почти сразу ударил гром. Я начала читать заклинание по вызову сатаны, которое нашла ещё два года назад в маленькой всеми забытой старой библиотеке Цюриха. Я поступила очень непорядочно, когда возвращала не ту книгу, которую взяла. Но молодой девице с кольцом в носу, похоже, было на это плевать. Я специально позвонила из гостиницы её престарелому дядюшке, который трясся над каждой книгой, как скупец над грошом. Что я плела, я уже не помню. Но выбежал он из библиотеки довольно скоро, как мне сказала его племянница. Я должна была с этой книгой быть только в маленьком и душном читальном зале. Но меня это не устраивало. Книги по колдовству требуют вдумчивости и времени. А мне не хотелось таскаться сюда каждый день. Когда я только в первый раз появилась в этой библиотеке, герр Мюллер мне не понравился. Мимо такого не только книгу, кроличью лапку не пронесёшь. А когда я всё же нашла нужную мне книгу, я тут же решила её подменить. Поэтому и придумала этот трюк с телефоном, надеясь, что герр Мюллер оставит не столь доблестного стража. Всё вышло даже лучше. Мой парик, ватные шарики во рту и грим были лишними. Эта девица смотрела на меня секунду. Но я решила всё же перестраховаться.

И вот теперь я держу в руках шедевр колдовской мысли. Хотя многие считают эту книгу сборником сказок, ужасов и набором слов, я убедилась, что магия в ней есть. В частности, именно заклинание из неё позволило мне заполучить мою чёрную человеческую жертву. А рецепт травы, с помощью которой я усыпила слуг, я взяла тоже из неё. Перелистнув несколько страниц, я продолжила читать нараспев заклинание призыва сатаны. Молнии сверкали чаще. Дождь усилился.

Дойдя до кульминации, я подошла к клетке с курицей. Одной рукой я взяла её за шею, а другой с размаху ударила ей по груди. Трепыхавшаяся жертва обмякла, а из её груди брызнула кровь. Я бросила курицу на часы и подошла к клетке с вороной. Предварительно я крепко связала ей клюв. Ворона была сильнее и умнее курицы. Я боялась, что не удержу её и поэтому просто свернула ей шею, а

потом рассекла грудь. Эта дрянь не желала просто так сдаваться, и перед смертью всё же ударила меня несколько раз клювом по рукам. Затем я подошла к козлу. То ли его возбудил вид крови предыдущих жертв, то ли он понял, что его ждёт, то ли испугался окровавленного ножа у меня в руках, но он начал биться и дергаться как сумасшедший. Уворачиваясь от его рогов, я изловчилась и ударила его в шею. Он повалился на бок. Я подошла ближе, опасаясь его копыт, бьющихся в судорогах. Одним махом я рассекла его грудь. Теперь настала очередь человека.

Я подкатила тележку поближе к часам и посмотрела на небо. Особенно яркая молния ослепила меня, а особенно громкий раскат грома оглушил. Придя в себя, я подняла нож над негром. В эту минуту он открыл глаза. Животный страх отразился в них, и он заметался в тележке. Я прокричала последнюю фразу заклинания и всадила в него нож. Затем я перерезала ему горло и вышла из круга солнечных часов. Я подняла мокрую книгу и перелистнула ещё несколько страниц. Вроде бы всё что нужно, я сделала. Надрезать свою руку я должна, когда увижу, что сатана появляется. И я стала ждать, нервно сжимая в руке нож.

Вдруг, прямо передо мной, в каменную стрелу солнечных часов, у которой горел костер, в который я швырнула сердца трёх жертв, ударила молния. Отскочившая от костра искра упала мне на пеньюар. Отшвырнув сердце четвёртой жертвы в костёр, я попыталась сбить пламя руками. Но пропитанная бензином ткань не хотела гаснуть. Пламя охватило меня всю. Я упала на мокрую траву и начала кататься, сбив при этом канистру с бензином. Костёр у солнечных часов уже пожрал сердца четырёх жертв и теперь, разгораясь, подбирался к ним самим. Последнее, что я увидела прежде, чем потеряла сознание от боли, была молния, ударившая в мой дом, и ярко вспыхнувшая крыша. Нестерпимый жар охватил мои руки, и я погрузилась в темноту…

- Действие лекарства скоро кончится?

- У нас ещё час.

- А привязывать её было обязательно?

- Дорогой мой, после того, как она чуть не спалила наш палисадник, это единственное, что я мог сделать. К тому же, не забывайте, у неё ожоги. Если её развязать, она сорвёт повязки. А это жуткая боль. Для её же блага, пока ожоги не заживут, ей лучше быть привязанной. Болеутоляющее тоже скоро перестанет действовать.

- И по-другому нельзя?

- Голубчик, вы же сами её наблюдали. Месяцы спокойствия и вдруг, ни с того, ни с сего, всплеск агрессии. А сейчас – пиромания. Дайте её телу выздороветь.

- Всё же это как-то…

- Хватит. Во время её «забавы» погиб человек, не забывайте. Санитар хотел ей помочь, а она его зарезала. Я ещё выясню, какой ротозей ей оставил нож.

- Значит лечение?..

- Как раньше. Плюс смена повязок с мазями, болеутоляющее и успокоительное каждые два часа.

Послышался шорох шагов и скрип двери. Я подождала ещё немного и открыла глаза. Комната без окон, обитая чем-то на вид мягким, кровать посередине, столик ближе к двери. Я попыталась встать, но не смогла. Подвигав конечностями, я определила, что ноги мои разведены и привязаны к спинке кровати, руки – к её бортам, а тело повыше груди широкой лентой опоясывало и меня, и кровать. Я повернула голову. Так, слегка приподняться я могу, но не более. Скосив глаза, я заметила мягкие туфли у кровати. Пошевелив ногами, я поняла, что одета. Понемногу начало возвращаться сознание и боль. Где я? Почему связана? Кто эти двое? Они говорили про лечение и санитара. Значит, я в больнице. Но почему они упомянули пожар в «нашем палисаднике»? Я ломала голову, пытаясь понять. Осталось только ждать, что кто-нибудь придёт менять повязки или делать укол. Тогда я и спрошу…

С удовлетворением я наблюдала за этой жалкой женщиной. Какой слабой оказалась её воля! Достаточно одного сна, одной мысли – и она моя. Жаль, что она так слаба. Её раскусили быстро. Теперь она здесь. А мне придётся идти в другое место. Но ничего. Я вернусь. Рядом с ней так хорошо отдыхать! Её беззащитность столько раз выручала меня, как тёплое одеяло в сырой день. Но не могу же я вечно быть к ней привязана. Я свободна, в отличие от неё.

Я вышла из палаты и наткнулась на пристальный взгляд одного из пациентов.

- Кто ты? – хрипло спросил меня небритый сутулый молодой мужчина.

- Ты меня видишь? – Я была удивлена. Немногие обращали на меня внимание. Тем более здесь.

- Я много чего вижу, - прохрипел он. – Иногда даже то, чего не хочу.

- И чего ты не хочешь видеть? – Меня заинтересовал этот мужчина. Говорил он вполне осмысленно, в его глазах не было безумия.

- Грешные души и их адские муки, - Мужчина опустил взгляд и тяжело сел на пол. Я присела радом с ним.

- И часто ты их видишь?

- Всегда, - Он поднял глаза и взглянул куда-то вдаль. – Поэтому я здесь.

- Понятно, - Я встала, чтобы уйти. Он вскинул руку, чтобы схватить меня.

- Но ты не сказала, кто ты.

- Грешная душа, - Я улыбнулась. Он опустил руку.

- Нет, - пробормотал он. – Ты хуже.

Я пожала плечами. Сумасшедший, что с него взять?

Оставив его сидеть на полу, опустив голову между коленей, я пошла по своим делам.

Месяц прошел с тех пор, как меня перестали привязывать к кровати. И ещё пара месяцев уколов и таблеток, прежде чем я вошла в палисадник. Всё это время я пыталась понять, что произошло и вспомнить, кто я. В снах меня преследовали видения костров и распятий, чёрные комнаты каббалистов и обнажённые тела женщин вокруг алтаря в каких-то зданиях. Я пыталась вспомнить отца, чей образ иногда мелькал перед моим внутренним взором, которого я помнила смутно, и мать, которую я не помнила вовсе. Когда меня навещал седовласый врач, я пыталась его расспросить. Но он ограничивался сухими фразами и упованием на скорое восстановление памяти и моё благоразумие. На вопрос, где я нахожусь, он неизменно отвечал, что в санатории на лечении. А когда я спрашивала о моей болезни, он недовольно отговаривался взвинченными нервами, тревогой и депрессией. Меня это не устраивало. Разве при депрессии привязывают к кровати? Разве при неврозах вымысел кажется настолько реальным? Я не понимала ничего. Да, я помнила горы книг у себя дома. Они все были по религии и оккультизму. Но разве тревога отбивает память настолько, что я смогла забыть, зачем мне вся эта макулатура была нужна? Как меня зовут? Где я работала? Где жила? У меня не было ответов на эти вопросы. Только сны, в которых я вызывала дьявола или меня сжигали на костре. После этих снов ноги и руки мои покрывались волдырями, а мой седовласый врач только качал

головой:

- Странно. Очень странно. Очевидно ваше воображение действует на тело так, что тело воспринимает воображаемое за действительное. Ничего страшного. Сейчас многие помешаны на конце света в две тысячи двенадцатом году. А вы, наверное, более впечатлительны.

- Но, послушайте, при чём тут конец света, если я во сне вызываю дьявола и танцую на дьявольском шабаше? При чём в прошлом, а не в будущем!

- В прошлом? Скажите, а когда вы разводили костёр, в каком году это, по-вашему, было?

- В тысяча девятьсот двадцатом.

- Нда. Интересно. А на шабаш вы в каком году летали?

- В разное время, в основном в Средневековье.

- Да? И в какую местность?

- Большей частью во Францию и Германию. Но в Англии тоже была.

- В Стоунхендже?

- Нет, - Я вздрогнула, вспомнив тот сон. – В Стоунхендже меня пытались сжечь.

- Интересно. Очевидно, вы увлекались мистикой. И это настолько на вас повлияло, что ваш разум перестал отличать реальность от вымысла.

- А что реальность? Как мне понять реальность, если я её не помню?

- Ваш разум по какой-то причине блокировал вашу личность и заменил её вымыслом, где вы периодически и находитесь.

- Так помогите мне вспомнить!

- Я бы мог вам перечислить всё, что касается вашей жизни, вашей личности, привязанностей, работы и всего остального. Но для вас сейчас это будут просто слова. Вы должны сами всё вспомнить. Я лишь могу попытаться снять стресс, который блокирует ваше сознание.

- Так снимайте. Пока я этого не ощущаю.

- Я не господь бог. А разум настолько неизученная область медицины, что навредить здесь проще, чем помочь. Когда вы только попали к нам, с вами

вообще нельзя было разговаривать. Вы называли себя Магдалена де Брианн и отказывались понимать французскую речь. Я даже лингвиста пригласил, чтобы беседовать с вами.

- Магдалена де Брианн… - Я задумчиво произносила это имя, пытаясь понять, какие ассоциации оно у меня вызывает. Нет, ничего. – Так на каком языке я с вами говорила?

- На старофранцузском пиккардийском диалекте.

- Ого!

- Именно.

- А что я говорила?

- Что-то о сатане, о приходе антихриста, о будущем тысячелетнем царстве тьмы, о том, что Ватикан лжёт и Второе Пришествие Христа уже было.

- Ничего себе, - пробормотала я. Тут меня озарило: «когда вы только попали к нам», старофранцузский и сатана – я в сумасшедшем доме!

- Мой бог! Я в сумасшедшем доме! – Я вскочила со стула, с грохотом его опрокинув. Санитар, стоявший у двери, сделал ко мне шаг. Но, повинуясь жесту врача, остался на месте. Я заметалась по кабинету.

- Я в сумасшедшем доме! – восклицала я. А чего я ещё могла ждать? Личность без памяти, с фантастическими снами и склонностью к пиромании – точно, связывать надо!

- Не надо драм, дорогая, - мягко сказал врач. – Это не сумасшедший дом. Это клиника…

- Для буйнопомешанных! – вскричала я. Бросив рассеянный взгляд на санитара, я заметила, как они с врачом переглянулись. – Не надо, доктор! Я не собираюсь бросаться на вас, - Я села и попыталась взять себя в руки. – Только вы тоже поймите. Однажды вы просыпаетесь с головой без единого реального воспоминания и оказывается, вы это не вы, а неизвестно кто неизвестно где! И это неизвестно где – клиника для душевнобольных!

Я уронила голову на руки. Оказывается то, что я ничего не могла понять ничто, по сравнению с тем, что я понять пыталась.

- Надеюсь, я никого не убила? – Я подняла голову и внимательно посмотрела на врача. – Я здесь не по приговору суда?

- Ну что вы! – Врач похлопал меня по руке. – Ваши родственники озаботились вашим состоянием, когда в течение недели вы перестали отвечать на телефонные звонки и выходить на работу.

- А где я работаю?

Врач вздохнул.

- Право, вам лучше самой всё вспомнить.

- Но хоть подтолкните меня! Как зовут моих родственников?

Врач снова вздохнул.

- Я сделаю по-другому. Я разрешу вам с ними встречу. Вдруг мне не понадобится вас подталкивать? Ваше состояние стабильно и внушает оптимизм. Если до послезавтра оно не изменится, вы увидитесь с родными.

- Хорошо. А до послезавтра вы мне ничего не скажете?

- Нет, моя дорогая. И вы не заставляйте напрягаться вашу память. Во-первых, неизвестно, как это скажется на вашем разуме. А во-вторых, если память упорно блокируется, возможно, для вас будет лучше вообще не вспоминать. Вдруг это что-то ужасное.

- Да уж, утешение, - пробормотала я. Затем в сопровождении санитара я вышла в палисадник. Хоть моё состояние и внушало врачу оптимизм, но одну меня он пока не отпускал. Что ж, он прав. Я сама не знала, что могу ещё выкинуть. Куда уж ему!

Я увидела её на скамейке, погружённую в свои мысли. Рядом маячил здоровый санитар. Ну, справиться с ним было плёвое дело. Но её состояние начало меня тревожить. Если она всё вспомнит, то что делать мне? Опять скитаться в поисках пристанища? Эх, зря я оставила её так надолго одну. Нет, иногда я навещала её. Но это не то, что быть постоянно рядом.

- Ты охотишься на неё? – спросил меня сутулый мужчина. Я его узнала. Не так давно он удивил меня тем, что заговорил со мной. Теперь снова. – Она твоя жертва? – спросил он, кивнув на задумчивую фигуру на скамейке.

- Она давно моя, - спокойно сказала я, разглядывая женщину. – Себя она потеряла, я её нашла.

- Ты боишься, что она вспомнит, - Сутулый мужчина внимательно смотрел на меня. Меня раздражало его внимание и его догадливость.

- А тебе что за дело? – резко спросила я. – Хочешь занять её место?

Он грустно улыбнулся.

- Мне моего достаточно. По крайней мере, я в своём уме. Хотя доктор Жерар так не думает. Ну да бог с ним.

- А что с тобой? – Я внимательно смотрела в беспокойные глаза этого странного человека. Он мне кого-то напоминал. Но воспоминание было так мимолётно, что мне не удавалось его поймать.

- Меня зовут Жильбер Арен. Как ты поняла, я могу видеть духов, бесов и вообще многое невидимое простым смертным. Но сюда меня поместили не за это.

- А за что?

- Во сне я путешествую по времени.

- И что?

- А то, что я бывал в разных временах, история о которых скрыта до сих пор.

- Опять таки – и что? Твои познания подкрепили бы высказывания многих историков, белых пятен прошлого стало бы меньше, а будущее не так бы пугало своим скорым концом.

Жильбер опустил голову и глухо сказал:

- Когда я блуждал по будущему, это вызывало скептицизм и насмешки. Это же ещё невозможно проверить. Когда я блуждал по прошлому, это вызывало скептицизм, насмешки, удивление и тревогу. Ведь то, что уничтоженные документы не могут подтвердить мои слова, они же не могут и опровергнуть. Но можно найти и косвенные свидетельства. А когда я взошёл на Голгофу с назореем, меня от греха подальше объявили спятившим.

- Почему?

- Потому что я видел правду.

А вот это интересно. И за какую же «правду» его упрятали сюда?

- Да? И что ты видел?

- Распятие человека.

Я была разочарована.

- И всё?

- И становление христианства.

Ого! Мне попадались всякие блаженные, но такого, кто «видел правду» - ещё нет.

- Не было богочеловека Иисуса Христа. Не было воскресения во плоти. Не было христианства, - Он ещё ниже опустил голову, и я должна была напрячься, чтобы услышать его.

- А что было?

- Было три человека с одинаковыми именами, похожей внешностью, но разными целями: Иисус бар Абба, Иисус Назорей и Иисус Вифлеемлянин. Они родились с разницей в несколько лет. Один был сиккарием, другой назореем, третий ессеем. По прихоти судьбы у двух матерей звали Мариями, а у двух других отцов звали Иосиф. Один был плотник, другой сын первосвященника, третий сын купца. Когда я говорил, что писцы евангелий не были при этих событиях, многое выдумали, что единственный достоверный свидетель Мария Магдалина, присутствовавшая всегда и везде с одним из проповедников, что очевидцев вообще неправильно понимали, а переписчики и переводчики досочиняли своё, совсем не то, что было описано в первоисточнике, мой брат решил отправить меня сюда. Его преданность религии граничит с фанатизмом. А наследство, которое мне оставил дядя, в случае объявления меня недееспособным, перейдёт к нему. Они и жену мою настроили против меня. А мне эти путешествия так помогали – мои картины большей частью были написаны после них.

- Так ты художник?

- Да, был талантливым художником, - Он грустно поднял голову. – А теперь я никто.

Жалкое зрелище. Ещё немного и он расплачется. Мне жалость была не свойственна. Какое мне дело до людской глупости? Нострадамус, хоть и прибегал к помощи своему посредственному таланту, но оказался умнее. Он прошлого не так касался. Он вещал о будущем, да так, что его нельзя было толком понять в настоящем. Сейчас всё ещё над его катренами спорят. Это когда требовались доказательства его дара, он скользил по поверхности давнего прошлого. И то, чтобы произвести впечатление на суеверную Екатерину

Медичи.

Она встала и медленно пошла к зданию клиники. Здоровенный санитар как тень следовал за ней. Я тоже встала.

- Дурак ты, - бросила я Жильберу. – Рисовал бы и рисовал. А с историей и религией, а в особенности с историей религии, всегда шутки плохи. Правда, даже если она от бога, никому не нужна, если есть догма.

- Ты права, - тихо сказал он.

Я ещё раз окинула взглядом это недоразумение и поспешила за ней.

…Мы бегали друг за другом, перепрыгивая через кровати. Он пытался схватить меня, но я всё время со смехом вырывалась, юркая как змейка. Наконец он загнал меня в дальний угол палаты, где стояла моя кровать. Я запрыгнула на неё мягко, как котёнок и, свернувшись в комочек, лукавым зверьком поглядывала на него. Он, тяжело дыша от бега, подошёл и сел на кровать. Я, вытянувшись в струнку, улеглась перед ним. Он погладил меня по руке. Я резко села и начала раздеваться.

- Ты что? – спросил он, резко вскочив.

- Не притворяйся, - криво улыбнулась я. – Ты ведь этого хотел? Ведь хотел, да? – Я пристально смотрела в его глаза. Все его мысли я видела насквозь, как будто его голова была стеклянной, а они словами в книге. Вот сейчас, неожиданно для себя он тоже стал раздеваться. «Ведь ты этого хочешь… Ведь ты хочешь… Ведь хочешь… Хочешь…», - сейчас стучит у него в голове.

Я пододвинулась, и он прилёг рядом. Я обнажённая недвижимая и холодная, лежала, глядя в пустоту. Он облокотился на локоть и посмотрел сверху вниз на моё лицо. Я видела своё отражение в его глазах: острые бледные линии моего лица словно застыли и, если бы не лёгкое мое дыхание, ему могло бы показаться, что рядом с ним лежит греческая статуя. Он оглядел меня. Да, с телом мне ещё повезло: чистый высокий лоб, прямой нос, свежие пухлые губки, ровный подбородок, маленькая нежная шейка, тонкие белые руки с длинными тонкими пальчиками, маленькая крепкая грудь, упругий плоский живот, кончавшийся тёмными кудрями, скрывавшими маленький розовый клитор, округлые небольшие бёдра, переходившие в стройные рельефные ножки, и маленькая стопа Золушки с нежно-розовой пяточкой. Словом, идеал женщины.

Он кончиками пальцев прикоснулся к моей груди и несколько раз, почти не касаясь, очертил сосок. Я не первый день жила на свете. Я помнила все свои телесные ощущения, но всё равно не могла совладать с собой – моё тело зажглось, сердце под его рукой застучало сильнее, а кровь быстрее побежала по венам. Моё тело засветилось: вместо мраморной бледности оно окрасилось бледно-розовым цветом. Он прикоснулся к другой моей груди. Моё тело сильнее затрепетало. Оно стало розовым, но словно покрытым прозрачной плёночкой. Он слегка прикоснулся к моим губам. Затем медленно провёл тонкую полоску от шеи до моих кудрявых зарослей внизу живота. Я уже не могла сдерживаться: спина моя выгнулась, а я, схватив его за шею, приникла к его губам. Я крепко прижимала к себе его голову и гладила по волосам. Я прижимала его к себе всё сильнее и сильнее, как будто хотела срастись с ним. Наконец он вырвался из моих рук и повалил меня спиной на кровать, прижимая своим разгорячённым телом. Я опять схватила его голову и впилась в его губы. Он, осмелев, начал мять мою грудь и зад. Соски мои, мирно лежавшие под его руками, набухли и потемнели, грудь приподнялась и затвердела, стала упругой, как надутый мячик. Я ласкала его спину, впившись в его губы, а он всё яростнее мял мне груди и зад. Вдруг меня словно что-то подбросило: я вырвалась из его рук и с размаху села на него верхом. Боли я не почувствовала, только его член внутри себя. Он застонал. Отражаясь в тёмном окне в сумраке ночи, я казалась себе вавилонской блудницей, сидящей на библейском звере: волосы разметались по плечам и спине, глаза горели так, что даже искажённое отражение окна не могло скрыть их блеск, тело пылало, и мне казалось, что по моим венам бежит раскалённый жидкий металл. Я оседлала его и не хотела прекращать скачку. Затем, достигнув пика, я упала ему на грудь и снова впилась в губы. Я видела, что моя кровь текла по его ногам, но я не чувствовала боли. Судя по нему, он вообще ничего не замечал. Вдруг он резко развернулся и лёг на меня, целуя в шею и грудь. Я всё яростнее ласкала его спину, шею и плечи, а он, лёжа на мне, целовал моё бархатистое тело и заросли кудрей внизу живота. Он несколько раз прикасался к моему клитору, вызывая в моём теле маленькие взрывы наслаждения и истому с яростным желанием пика. Я сладострастно стонала, выгнув спину, а он продолжал двигаться внутри меня.

Наконец он устал и положил голову мне на грудь, но я хотела продолжения. Я перевернула его и снова села сверху. Недовольная его отдыхом, я, задыхаясь, шептала ему:

- Ну что же ты?.. Что же?

- Какая же ты… - прерывисто дыша, шептал он в ответ. – Какая же… ты…

- Какая? – спрашивала я, продолжая ласкать его. – Ну, какая?

- Ненасытная ты… - бормотал он, не отрывая глаз от меня.

- О-о! А ты… - Видя, что продолжения от него ждать не следует – его член обмяк во мне и выскользнул уже, как умершая гусеница. – А ты! Ну что же ты! – презрительно бросила ему я и соскочила с постели.

- Какая же ты… - шептал он, полузакрыв глаза.

А я стояла в свете луны – прекрасная и неутомимая. Мои волосы шевелил ветер и, казалось, что они живые.

- Какая же ты… - продолжал шептать он и открыл глаза. Я возвышалась над ним, гордая своей победой над несовершенством мужского тела.

- Кто ты? – вдруг вскричал он.

И было от чего. Мои светлые волосы стали угольно-чёрными, прямой нос мой выгнулся и слегка загнулся, губы стали ещё полнее и чувственнее, а лба вообще не было видно – отражение в стекле хоть и не обладало чистотой зеркала, но давало представление о тех изменениях, которые вдруг начали происходить в моём облике. В глазах этого смертного я видела отражение жёлтого блеска своих глаз.

- Кто ты? – со страхом повторил он.

Огромная радость наполнила меня и я крикнула во всё горло:

- Да! Это я! – Крик мой отражался от стен и наполнял собой всю палату. Я рассмеялась диким смехом. Его сатанинские раскаты так же отскакивали от стен и исчезали где-то под потолком. – Я! Это всё я! А ты – ты только посмотри на себя!

Он опустил глаза на своё изменившееся тело и вскрикнул: оно, некогда могучее и мускулистое, которому могли позавидовать спортсмены, скукожилось, высохло, похудело и покрылось сетью морщин. Он схватил с ближнего стола небольшое зеркало и поднёс к своему лицу. На него смотрел череп с натянутой на него старческой кожей. Запавшие глаза, обведённые чёрными кругами, тускло смотрели мёртвым светом, пересохшие истончившиеся губы потрескались. Он поднял свою некогда накачанную руку, но увидел лишь кости скелета с натянутой на них дряблой кожей.

- Что ты сделала? – яростно хотел прокричать он, но не узнал своего некогда зычного голоса – из его горла раздался лишь какой-то скрежещущий хрип. – Что ты со мной сделала, ведьма? – Он закашлялся.

- Я колдунья, а не ведьма. – Я встала перед ним, во весь свой ставший высоким рост. – И разве ты не знал, что за ночь любви с колдуньей смертный платит жизнью? Что безнаказанно меня иметь может только такой же колдун, как я? Ты разве не знал этого?

- Нет, - тихо прошелестел он.

- Так теперь знаешь, - снова заорала я и рассмеялась. Энергия, переполнявшая меня, хоть и не нашла выхода в этом человеке, требовала выхода иным способом. – Теперь ты знаешь, смертный!

Приподнявшись было, чтобы посмотреть на себя или ударить меня, он упал на кровать, выронив зеркало.

- Ты поимел меня, но не удовлетворил, - Я презрительно бросала слова в это человеческое недоразумение. - А теперь ты умрёшь. Не надо пытаться трахнуть женщину, если хочешь просто утолить свою похоть. Её может оказаться сильнее. Ты поимел меня, - повторила я. – А теперь умрёшь, - прошипела я ему в лицо.

В этот момент за окном сверкнула молния и грянул гром. Он, снова приподнявшийся было на кровати, упал и испустил дух.

- Мой господин! – заорала я во тьму окна. – Его душа со мной! Я иду к тебе! – И, сжав невесомое нечто в кулаке с неестественно длинными ногтями, я прошла сквозь стекло окна, как будто его и не было. Я взлетела над уродливым квадратным домом, бросив последний взгляд на кровать с худым коричневым трупом, над которым поднимался какой-то сладковатый белый дымок, который медленно растворялся в воздухе. Я же свободная и восторженная, летела в черноту неба…

Внезапно я проснулась. Что за чёрт! Приснится же такое! Я вцепилась в край простыни и попыталась её потянуть. Что-то мешало мне. Я оглядела кровать и похолодела: охранник, который сопровождал меня на прогулке в палисадник вчера, без движения обнажённый лежал в ногах моей кровати лицом вниз. Простыня была в каких-то бурых и красных пятнах. Я взглянула на свои руки – они были в засохшей крови. Я приподняла простыню: низ живота и ноги так же были в крови. Я резко села на кровати и чуть не закричала от нестерпимой боли во влагалище. Боже! Что же это? Дрожащей рукой я попыталась нащупать пульс на шее санитара. Его не было. Я попыталась развернуть его. И тут моим глазам предстало страшное зрелище: его член, как будто вырванный с корнем, валялся

рядом с кроватью в огромной луже крови. В его паху зияла чудовищная рана. Мои глаза заволокло туманом, и я истошно закричала, падая на подушки. Небытие накрыло меня своим успокаивающим покрывалом.

Что было дальше, я не помню. Действительность я воспринимала как сквозь толщу воды. Вокруг меня были какие-то люди, что-то кричали, меня куда-то несли. Меня кололи, но я не чувствовала боли. Меня избивали, но я не защищалась. Я даже не знала, были мои глаза открыты или закрыты, снова вокруг сон или явь. Меня о чем-то спрашивали, снова били, кололи, но я ничего не воспринимала. Такое состояние бывает, когда отходишь от наркоза: тот свет ты уже покинул, но на этот ещё не вернулся. Я не знаю, сколько прошло времени. Я не знаю, куда унесли тело санитара и начали ли следствие. Когда я очнулась, была глубокая ночь. Или мне так показалось, потому что я очнулась в полной темноте и тишине. Я попыталась повернуться, но оказалось, я опять привязана к кровати. Простыня серым пятном выделялась в полной темноте. Благодаря ей, я поняла, что не ослепла.

Я лежала с открытыми глазами без мыслей в голове и ощущений в теле. Я не чувствовала ни голода, ни холода, ни раскаянья, ни сожаления. Я была как бы вне тела, времени и пространства.

- Ну и зачем ты это сделала? – услышала я вдруг низкий и густой голос. – Твоя задача была искушать её знаниями, а не помогать ей убивать.

- Но Господин, - раздался другой, женский, голос. – Это было так скучно. Те искушения, которым я её подвергла, свели её с ума. Её душа жаждала увидеть. Я дала ей такую возможность.

- Увидеть? – прогремел первый голос. – Это не твоя работа! Хочешь быть наказана? Грязной работы ещё много. Могу обязать тебя её выполнить.

- Нет, Господин, - Во втором голосе слышалось и разочарование, и недовольство, и страх.

- Ты взялась делать не свою работу, - Первый голос был не на шутку рассержен. – Оставь её. Когда ты будешь нужна, я тебя к ней призову.

- Да, Господин, - смиренно ответил второй голос.

Я изо всех сил напрягла зрение. И вдруг я увидела у стены два светлых пятна: одно было ярче и больше, второе мелкое и тусклое. Яркое на мгновение

вспыхнуло и погасло. А тусклое осталось на месте. Постепенно оно приняло очертания человеческой фигуры. Медленно эта фигура направилась ко мне. По мере её приближения она приобретала женские черты. Когда она оказалась совсем рядом, я увидела… себя.

- Что же, жаль с тобой расставаться, - сказала сущность. – С тобой было весело. Господин забил твою голову такой чушью, что получилась богатая фантазия. Мне было из чего выбрать. Ты забавная. Особенно, когда стала считать меня собой и наоборот, - Сущность улыбнулась. – Но слово Господина – закон. Они не позволят ослушаться. А искушать алкоголиков на новую бутылку водки не так интересно, как заставлять искать истину интеллектуала.

- Кто ты? – спросила я хрипло.

Сущность, уже повернувшаяся, чтобы уйти, удивлённо обернулась.

- А, так ты видишь меня, - с непонятным разочарованием произнесла она.

- Я видела тебя и второе пятно света.

- Господина? – Сущность искренне удивилась. – Надо же. Чем же ты их привлекла, что они дали тебе их увидеть?

- Их?

- Господин – это всё. Это и слово, и мысль, и разум, и мужчина, и женщина.

- Бог? – Я со страхом слушала эту сущность. Неужели я на самом деле схожу с ума?

- Вы, люди, и так его называете.

- А как ещё?

- Дьявол, сатана, Вельзевул, чёрт, бес…

- Что? – Я дёрнулась, чтобы вскочить, но ремни меня держали крепко. – Бог – это дьявол?

- Дура, - снисходительно сказала сущность. – Это всё. Это и свет, и тьма, и добро, и зло.

Я закрыла глаза. Да, определённо, я сошла с ума. Как бог может быть дьяволом, а свет – тьмой? Я сплю, у меня галлюцинации, я сошла с ума. Так или иначе, этого всего нет. Это моя фантазия.

- Твои сны, которые так похожи на реальность, это тоже твоя фантазия? – внезапно со злостью сказала сущность. Я вздрогнула.

- Кто ты?

Сущность села на единственный стул в комнате, который я в темноте не увидела.

- Можешь считать меня демоном искушений, Анита, - Она невозмутимо положила ногу на ногу и скрестила на груди руки.

- Как? Анита?

- Если точнее, Анн-Мари Лефевр, профессор истории религии Сорбонны, кандидат наук демонологии и изучения оккультизма. То, что я сейчас тебе рассказала, лишает меня дома. Но Господин и так мной недовольны. Так что, чем скорее развязка, тем лучше.

Анн-Мари Лефевр, профессор… кандидат наук… Я вдруг вспомнила свой кабинет в университете, сплошь забитый книгами по религии, истории, демонологии, оккультизму, сатанизму, язычеству, дьяволопоклонничеству. Я вспомнила свой дом, который купила в пригороде, когда ещё была замужем. Его я отдала мужу после развода. В городе, где я стала проводить большую часть жизни, он мне не нужен. Я вспомнила курьера с почты, веснушчатого парня, которого дразнили Питер Пен за его имя Питер-Пол. После десятой доставки книг за неделю мы подружились. Я разрешала выкупать посылки за меня, когда забывала или не успевала сама. Конечно, я ему приплачивала немного за его любезность… Я вспомнила кошку соседки по этажу – чёрную длинношёрстую ленивицу, которая даже хвостом не шевельнёт, если перед ней упадёт кусок колбасы… Я вспомнила всё… Возможно, это произошло за секунду, возможно, прошло полдня…

- А-а, вижу, ты обрела себя… - Сущность встала. – Что ж, пора прощаться. Господин будет недовольны. Но они всеведущ, должны понять.

- Не поняла, - Я открыла глаза и уставилась в своё лицо. – Не поняла, как то, что я себя вспомнила, может тебя прогнать?

Сущность села, подавшись вперёд и расставив ноги. Сцепленные в замок руки она положила на колени.

- Видишь ли, - начала она. - Господин увидели в тебе что-то, что ему не понравилось. Ты слишком близко подошла к пониманию его сути, когда копалась в своих книжках. Хоть ты и католичка, но в тебе жил гностик, с которым я и

свела знакомство. Моё дело было искушать тебя знаниями непознанного, таинственного, чтобы, ударившись в мистику, ты позабыла бы о поиске бога. Частично мне это удалось. А потом мне стало скучно. Католичка в тебе умерла, гностик ушёл, ты стала слепее, чем была до нашего знакомства. И я решила развлечься. Ты помнишь свои сны? – внезапно спросила она. Я вздрогнула. – А-а, помнишь. В них было всё так реально, да? Так вот, это была я. Я в тебе, а ты во мне. Я руководила, ты действовала…

- А санитар? – перебила я. – Кто его убил?

- Я твоими руками, - она улыбнулась.

- Зачем? – Я закричала. Я хотела вырваться, поймать, растерзать эту гадость за то, что она со мной сотворила.

- Глупый, никчёмный тип, - пожала плечами сущность. – Его срок и так был близок – он должен был умереть спустя два дня под колёсами грузовика. Я ему устроила прекрасную смерть – от любви.

- Ты… ты… - Я металась под ремнями, но ничего не могла сделать. – Убирайся! Твой господин зря не наказал тебя, дрянь!

- Ну вот, - с деланным разочарованием сущность встала. – Я позволила ей узнать все тайны Земли, устроила путешествие по времени, дала возможность быть всесильной, а она… - Сущность махнула рукой.

Резко раскрылась дверь. В комнату вбежал человек в халате со шприцем в руке. Вслед за ним влетело ещё несколько человек и трое санитаров.

- Она очнулась. Она пришла в себя, - бросил первый человек со шприцем другим.

- Я Анн-Мари Лефевр, в девичестве Морильяк. Я профессор истории религии университета Сорбонны, кандидат наук демонологии и изучения оккультизма Йельского университета, доцент кафедры прикладной философии института Тулузы, профессор истории языческих культов мира Пражского университета… - я чётко произносила свои титулы, которые всплывали у меня в мозгу. Сущность, скрестив руки, с улыбкой кивала позади людей в белом. - …Доцент кафедры аномальных явлений Кембриджа и профессор демонологии Принстона…

- А с Папой вы не общались? – заворожённый моими перечислениями, мужчина со шприцем очнулся. – В Ватикане давно были?

- В Ватикане мне отказали в учёной степени.

- Что так? – нагло ухмыляясь, спросил он.

- Разошлись во взглядах на понимание бога с Папой Римским.

- А, ну как же, как же, - всё так же нагло ухмыляясь, он сложил руки на груди, выставив шприц.

Я прикрыла глаза. Когда я снова посмотрела на него, у него в руках была толстенькая папка, документы в которой он быстро пробегал глазами. С его лица не сходило недоумённое выражение.

- Это всё действительно вы? – недоверчиво спросил он.

- Да, это я. Я вспомнила.

- Вспомнила, - Сущность скривила моё лицо. – Кабы я тебе не сказала имя, ты бы так и осталась овощем.

- На смей! – заорала я и дёрнулась. Мужчины, столпившиеся около папки, вздрогнули и отпрянули. – Когда я увидела вас обоих, я была в своём уме. Это ты, ты лишила меня моей личности!

- В своём уме! – Сущность ядовито улыбнулась. – То-то твой врач так на тебя смотрит! Ещё бы – разговаривать с пустотой – это быть в полном рассудке, - Она снова засмеялась.

- Простите, доктор, - сказала я человеку со шприцем. – Но неужели вы не видите женщины рядом с дверью? У неё моё лицо. Она говорила со мной.

- Давай, давай, - веселилась сущность.

Мужчины переглянулись. Тот, который держал шприц, внимательно осмотрел дверь.

- Хорошо, - сказал он. – Женщина с вашим лицом.

Я облегчённо закрыла глаза. Тут же резкая боль пронзила мою ногу: опустив глаза, я увидела, как он вынимал из неё пустой шприц.

- Не отвязывать, - рявкнул он санитарам и быстрым шагом вышел. Я хотела крикнуть ему, но мой рот как будто забили ватой. В глазах поплыло, в ушах застучало. Резкий свет из коридора, пробивавшийся в открытую дверь, стал меркнуть. Последним растаяла сущность с моим лицом и её издевательский смех…

У костра сидела группа молодых людей. Один что-то напевал под гитару, девушка в красной куртке зябко жалась к нему, другие напевали по мере своего слуха. Костёр весело потрескивал, взметая искры в темнеющее небо. Красное солнце медленно садилось, полная яркая луна выкатывалась из-за редкого леса, плотный белый туман надвигался с поля. Мой бог! Неужели снова эта пытка? Явь или сон? Видение или реальность? Я попыталась закричать, затопать, но у меня ничего не получилось. Как будто меня нет, или я смотрю кино через стереоочки. Я кричала, прыгала, махала руками – бесполезно. Меня для них не было.

Когда музыка кончилась, компания сидела некоторое время в молчании, которое нарушало лишь потрескивание поленьев в костре. Вдруг послышались тихие осторожные шаги, словно кто-то шёл к ним через лес. Молодые люди обернулись, а один парень, трагически понизив голос, произнёс:

- Вы знаете, что сегодня тринадцатое июля, пятница – день шабаша нечистой силы?

- Нет! – заорала я в отчаянии. Но они снова меня не слышали. Тринадцатое июля? Что за дата такая? Об этом я ничего не знала. Может этот парень хотел напугать тринадцатой пятницей?

Я внимательно смотрела на них. От его слов девушка в красной куртке вздрогнула, и её глаза засверкали в темноте.

- Я бы не отказалась побывать на таком шабаше. Душу бы отдала, чтобы увидеть вживую сатану. Только жаль, что его нет.

Из леса вынырнула фигура женщины с распущенными чёрными волосами. Она неуловимо напоминала ту сущность, с которой я беседовала недавно. Тот же отрешенный взгляд, мягкая грация движений. То же спокойствие и как будто всезнание того, о чем ты даже не догадываешься.

Она медленно подошла к костру. Её странно блестевшие глаза обратились на только что говорившую девушку.

- Зря вы так думаете, милая, - хрипло произнесла она. – И бог, и дьявол есть. Только дьявол сильнее.

Я видела скептический взгляд парня с гитарой и как будто прочитала его мысли: «Наверное, очередная дьяволопоклонница. Из тех, что собираются по пустырям, подвалам и помойкам и орут всякую чушь при свечах, поливая себя украденной кровью с донорского пункта приёма. Безудержные оргии, убитые животные, героин и костры до небес».

- Вам не страшно бродить одной по лесу? – спросил он вслух.

- Меня спасает моя вера, - Женщина странно сверкнула глазами и улыбнулась. Её улыбка была притягивающе очаровательной. Парень мгновенно забыл о девушке, которая прижалась к его плечу. Он видел только эти глаза, в которых вспыхивало и загоралось пламя. Я тоже видела их. И я испугалась того, что видела в них. Я видела его нараставшее желание и как будто слышала: «Мой бог, мне кажется, я хочу её»

Я снова пыталась орать и махать руками. Компания не реагировала. Только женщина повернула ко мне лицо и, казалось, заглянула в самую мою душу. Я поперхнулась и замолчала. Я смотрела в мрачную темноту, которая воплощала в себе всё зло, подлость, боль, обман и предательство мира. Я содрогнулась. А женщина вновь смотрела на парня и улыбалась.

- Если вы не против, проводите меня до деревни. Это здесь, рядом, - сказала она, не сводя с него глаз.

Парень встал странно неуклюже. Очевидно взгляд женщины парализовал его волю и конечности. Я видела его глаза. «Я хочу её», - говорили они уверенно. Он шагнул к женщине.

- Ты куда? – требовательно крикнула девушка в красной куртке. Женщина перевела взгляд с парня на неё. Словно она была из стекла, я увидела, как в ней заклокотала страшная ревность, однако, к моему удивлению, на её лице ничего не отразилось.

- Надо проводить, - не сводя глаз с женщины, ответил парень. – Мало ли что может случиться.

Чёрные всплески ревности охватили уже всю девушку, но она сказала:

- Ну-ну, быстрее возвращайся.

Что-то в её тоне очевидно показалось парню странным. Он нахмурился, но, взглянув в глаза женщины, моментально забыл об этом. Женщина отошла от костра. Парень пошёл вслед за ней, и вскоре шум их шагов затих.

Молодые люди у костра некоторое время молчали. Потом они начали оживлённо обсуждать странное поведение своего гитариста. Девушка в красной куртке незаметно отошла от костра и быстро зашагала за странной женщиной и парнем, прислушиваясь к тишине леса. Я последовала за ней.

Пройдя минут десять, она остановилась. Как она смогла найти дорогу в сумерках и тумане пусть редкого, но леса, и как смогла следовать за этой женщиной, я не понимала. Однако, в темноте деревьев были пятна и слышались осторожные шорохи.

- Ты такое чудо, - слышался прерываемый страстью голос парня. – Ты ведьма! Ты богиня! Ты сама страсть!

- Я не ведьма, я колдунья, - раздался насмешливый и холодный голос женщины. Он мне напомнил тот кошмарный сон-реальность, когда я очнулась с мёртвым санитаром на своей кровати. – Я колдунья тьмы. Я хочу тебя, - говорила женщина, - Но больше всего я хочу твоей крови.

Раздался приглушенный щелчок, как будто клацнули зубы животного, затем странный звук достиг меня и девушки в красной куртке. Я видела её парня, прислонившего спиной к дереву женщину. Она склонилась над ним, сверкая на нас глазами. Затем послышался противный булькающий звук. Женщина подняла голову и кроваво-красными губами, с которых стекали капли крови, произнесла:

- Наконец-то я наелась! – Глаза её сверкнули, и она оттолкнула парня, который мешком свалился у её ног.

Застывшая в ужасе девушка подняла от него белое лицо и посмотрела на женщину.

- Ты убила его! – закричала она. Охватившие её гнев и ревность постепенно приводили её в себя.

- О нет! – Женщина взглянула на неё. – Я его только поцеловала. Он скоро придёт в себя. Правда, секс его интересовать будет не так сильно, как раньше, - Женщина плотоядно облизнулась. – Но ты ведь хотела увидеть сатану. Ещё не передумала?

- Нет, - Я видела, что злость и ревность в девушке тают, а их место занимает любопытство и скептицизм. Холодными льдинками они как будто высвечивали её душу. Я хотела схватить её за руку, встряхнуть – ведь только что какая-то женщина убила или чуть не убила её парня! Но моя рука прошла через её тело. После минутного поединка взглядов я с изумлением увидела, как женщина и девушка в красной куртке поднялись в воздух. Я снова попыталась схватить девушку, но всякий раз моя рука проходила сквозь неё.

Только они исчезли в ясном без звёзд небе, как парень вздохнул и медленно поднялся, опираясь о дерево. Он потряс головой, посмотрел на полную луну и

пробормотал: «Чёрт, как же я голоден!». Он выпрямился и медленно направился обратно к костру. Я пошла за ним. «Холодно, как же холодно!» - бормотал он, пробираясь через лес.

Наконец он вышел к костру и вытянул руки к самому огню.

- Что-то ты рано, - произнёс светловолосый парень, прикуривая от горящей ветки. – Чего дрожишь? Тётечка не так горяча оказалась?

Раздались редкие смешки.

- Деревня была близко, - произнёс первый парень, поворачиваясь спиной к огню.

- А где Аннет? – спросила девушка с короткой стрижкой.

- Понятия не имею, - отозвался он и, поднявшись, подошёл к светловолосому, и пристально глядя ему в глаза, произнёс:

- Ты не хочешь со мной закурить?

Тот медленно поднялся и, ни слова не говоря, пошёл за ним в лес.

Через несколько минут он вернулся, утирая рот.

- Куда ты дел Жака? – поднявшись, спросила девушка с короткой стрижкой.

- Сейчас вернётся, - ответил первый парень. – Ему надо отлить, - Он жутковато улыбнулся и посмотрел прямо на меня. Кровавый огонь застлал мне глаза, и я потеряла сознание.

Я открыла глаза. Передо мной снова была чернота. Где-то недалеко мерцало серое пятно. Я напрягла зрение: сущность приобрела человеческие очертания и о чём-то недовольно спорила с тем, кого я не могла видеть:

- Господин, она сама хотела увидеть зло. Она хотела всё вспомнить. Так дал бы ей полную память. Зачем ты дал ей увидеть вампиршу? Ведь всё было не так? – Сущность горько покачала головой.

- С кем ты говоришь? – хрипло спросила я.

- С Господином, - зло ответила сущность. – То, что ты видела, ничего тебе не напомнило?

- Нет, - Я нахмурилась. – А женщина из моих видений – ты?

- Нет, - Сущность встала и приблизилась. – Я же говорила, всё было не так.

- Что всё? И как – не так? – Я ничего не понимала.

- То, что ты видела, это часть прошлого. Твоего. Но всё было не совсем так.

- А как?

- Неужели ты совсем ничего не помнишь?

- Нет.

Сущность вздохнула.

- Этим мы и отличаемся. Господин даёт нам работу, но не даёт забвения. А вы можете забыть как хорошее, так и плохое.

- Так что там было? – Я хотела стукнуть кулаком по кровати. Но руки были привязаны.

- Когда тебе было лет восемнадцать, вы с друзьями летом поехали на пикник. Но попали в неудачное время.

- Почему?

- В этот день дьяволопоклонники устраивали свой шабаш.

- И что?

- Всех твоих друзей принесли в жертву: кому перерезали горло, кому щипцами вырвали сердце. Одну твою подругу насиловали всю ночь, к утру она умерла от потери крови.

- А я? – Я содрогнулась. Да, забвение – великая вещь, дарованная богом.

- Ты? – Сущность презрительно улыбнулась. Ты спряталась в ближайшем гроте и всё видела. Потом ты решила посвятить свою жизнь изучению потустороннего, язычества и религиозных культов. Скорость твоего обучения была такова, что тебя хотели занести в книгу рекордов Гиннеса. Но тебе всё было мало.

- Это ужасно.

- Ужасно? – Сущность подскочила ко мне. – Ужасно, когда тебе на ногу падает молоток! Кошмар, когда в лунной тени ты видишь Фредди Крюгера, а не вешалку с пальто! А то, что сделала ты – это трусость и предательство!

- Но что я могла? Их же было больше, ведь так? Они бы и меня убили! И кому бы от этого было легче?

- А позвать на помощь? Выйти из леса, добраться до телефона – там всего-то пара километров была! Но нет! Ты осталась и видела! Чтобы потом, как ты выразилась на выпускном в колледже, «в память своих друзей», заняться причиной их смерти. Ты так никому и не сказала, что была там. Даже на исповеди!

Я молчала. Сущность была права. Я не помнила ту ночь. Не помнила, почему спряталась, а не пошла за помощью. Я этого не помнила.

- Поэтому я здесь? – обречённо спросила я.

- Нет, вы посмотрите на неё! Она себя ещё и жертвой считает! – Сущность возмущённо взмахнула руками. – Нет. Здесь ты потому, что так Господин решили. Своими поисками истины ты задурила голову себе и тем, кто искал её до тебя. Ты подошла к знанию очень близко, хотя не имела на это никакого права. Ты влезла не в своё дело. Ты пыталась нарушить равновесие и Господин тебя устранили. Гуманно и милосердно, как всегда.

- Хорошо милосердие, если, благодаря тебе, я чуть больницу не спалила и убила санитара.

- Это твоё наказание. Радуйся, что ещё такое лёгкое. А я демон искушения. Ты искушению поддалась. И чем ты недовольна?

- Но ведь я не помнила, кто я? Как я могу нести наказание, не зная, в чём моя вина?

- Господин тебе дали тест. В зависимости от результатов идут и бонусы. Если бы помнила себя, ты бы стала спорить с Господином о тяжести наказания и времени его продолжения. А так – ты просто должна была выполнить задание – избежать искушения. Ты его не выполнила. Но Господин до тебя всё же снизошли – он вернули тебе память и дали возможность увидеть себя и меня. Сейчас другой тест – ты с памятью, со всеми своими знаниями и титулами. Что будешь делать?

Я помолчала. Тесты бога! Чушь какая! Однако, я говорю с привидением или демоном искушения, как она себя называет. Значит, я сумасшедшая, и удивляться её словам не стоит. Возможно, если я буду ей противостоять, она меня оставит в покое. Но как долго это будет?

- Это решать Господину, не мне, - ответила сущность, внимательно глядя на меня.

- Хорошо. Я попытаюсь, - Я уже не удивлялась, что сущность читала мои мысли. Она же порождение моего больного ума.

Сущность недоверчиво разглядывала меня.

- Один уже пытался. Рассказать?

Я вздохнула. Если это тест, пусть всё закончится быстрее.

- Итак, - сущность удовлетворённо села в кресло, которое я не видела в темноте, положила ногу на ногу и сцепила руки на коленях. – Итак. Жил-был в девятнадцатом веке один искатель истины. Надо тебе сказать, что в то время на мистике были помешаны почти все: спиритизм, чёрная магия, Жозеф Бальзамо, Сен-Жермен, масоны, розенкрейцеры, иллюминаты, чаша Грааля, копьё Лонгина, Туринская плащаница, да мало ли всякого такого, на чём многие разумные люди свернули себе мозги. Так вот. Этот человек тоже был учёным. Он был одержим идеей вечной жизни и молодости. Трансильвания его искушала. Изабелла Баторий и Влад Цепеш пленили его задолго до Брема Стокера…

- И что?

- А то, что его разум не выдержал искушения знанием, и он стал видеть причину своих исканий там, где её не было.

- То есть?

Сущность плотоядно улыбнулась, напомнив мне лицо из сна-видения.

- А забавная была история. Его так и отвезли в психушку с крестом в руке, орущего: «Сгинь, нечисть!»

- А это была нечисть?

- В его мозгах – да, - Сущность снова улыбнулась. Мои глаза заволокло туманом.

- Слишком сильно он поверил в то, что ему казалось, - Голос сущности доносился как сквозь вату. – А если что-то очень хочешь увидеть – увидишь. Хоть розовых слонов, хоть зелёных чертей.

Её голос постепенно затихал, и я впала в какое-то забытье. «Очередной тест бога», - невесело подумала я и отключилась.

…Её глаза были спокойны, и только где-то в глубине их таилась печаль. Она подняла голову, и в них вспыхнула злоба. Её странно знакомое лицо исказил

жутковатый оскал.

- Вы не боитесь меня, - спокойно сказала она. – Обычно люди боятся моего взгляда. Ах, нет. И вы боитесь. Вы тоже боитесь меня. Но вы не убегаете в ужасе, как все. В вас говорит глупая гордость. Вы думаете, что сможете одолеть меня.

Она снова взглянула в мои глаза. И тут я увидел красный блеск на дне её зрачков: яркое алое пламя пылало, как костёр, грозя захватить и меня. Она мягко как кошка соскочила со стула, который был несколько высоковат для её миниатюрной фигурки. Её пылавшие глаза не отрывались от меня. Я вдруг вспомнил отрывок, прочитанный недавно моим другом. Он раскопал манускрипт в каком-то ветхом замке Трансильвании. В отрывке говорилось о вампирах: «Вы смотрите на очаровательную, скромную, улыбающуюся вам девушку. Вы смотрите на её тонкие руки, изящный стан, бледное лицо, влажные невинные глаза ангела. И вдруг вас пронизывает странное ощущение – не то страх, не то недоумение: на дне ясных и чистых как горное озеро глаз вашей подруги вы видите красное алое пламя, дикий разгорающийся костёр. Вы широко открываете глаза и отшатываетесь от неё. Но она подходит к вам. Её влажные кроваво-красные губы приближаются к вашему лицу. И вдруг в ваших ушах звенят колокола, а глаза застилает мгла. Вы теряете сознание. А когда приходите в себя, то чувствуете тянущую боль в шее и слабость во всём теле. Ваша подруга выпила вашу кровь, заразив вас своей слюной. Она вампир. Через некоторое время вы почувствуете дикую жажду, утолить которую сможет только чужая кровь. Поскольку ваша уже мертва. Вы ещё не полноценный nosferatu, вы рядовой вампир. Чтобы быть посвящённым в таинства жизни мёртвых, или как они себя сами называют – неумерших – вас должен причастить своей кровью укусивший вас вампир, то есть ваша красавица. Но nosferatu хорошо блюдут свои секреты. Корова даёт молоко. И незачем корове знать о смысле жизни. Вы для них источник постоянной еды. Свои тайны они не открывают никому. Никогда».

Я глядел в глубину этих спокойных грустных серых глаз и видел на дне её маленького зрачка разгорающееся ярко-красное пламя. Я отодвинулся от неё. Она шагнула ко мне. Мое движение было единственным – дальше двигаться было некуда, я упёрся в стену рядом с письменным столом. Она подходила тихо, на носках, чуть выставив вперёд голову и руки, как бы собираясь наброситься на что-то. Она подходила, и я ближе и ближе видел её серые глаза с ярким огнём на дне. Вдруг мною овладел дикий истерический смех. Я смеялся как безумный, складываясь пополам. Она вздрогнула и отступила на шаг. Но потом опять стала медленно приближаться. Я в припадке смеха нащупал на столе коробок с единственной спичкой и кинул в неё. Коробок пролетел и ударил по кончику её

прямого длинного носа. Она опять вздрогнула и отступила на два шага. Тогда на столе я умудрился нащупать пачку сигарет, которую она невзначай открыла, но из которой ни одной не вынула. Я швырнул и её. Пачка, пролетев, опять щёлкнула её по носу. Когда пачка ещё летела, из нее выпали две сигареты и крестом упали перед ней. Она опять вздрогнула и отступила на три шага. Я продолжал смеяться. Я исходил смехом. Мои рёбра уже болели. Но я не мог угомониться. Она подошла к двум сигаретам, упавшим крестом, и попыталась перешагнуть их. Но какая-то неведомая сила не давала ей ни перешагнуть их, ни обойти. Но вдруг, когда я на долю секунды замолчал, собираясь с духом, она, как бы пробивая невидимую стену, перешагнула сигареты и подошла ко мне. Я ничего не понял, но вдруг почувствовал, как дикий страх, ужас вместо дикого смеха, пополз по моим ногам к сердцу и голове. Я близко-близко увидел серые спокойные глаза и алое пламя на дне их; я увидел алые губы и чёрные зубы, зловеще сверкнувшие на мгновение между ними. Я закричал, и вдруг сверху на меня опустилась чернота, пол стал уходить из-под ног, а потолок давить на голову. Что-то на мгновение вспыхнуло и погасло в моём мозгу, что-то прошуршало около правого уха; я упал на что-то мягкое, и счастье волной охватило меня. Когда волна спала, я потерял нить своих мыслей и наверно потерял сознание, поскольку, когда я очнулся, было светло и я не сразу понял, что я умер. Но ведь я размышлял, думал – значит, я жив? И если всё же эта девушка действительно вампир, то она выпила слишком мало крови. Или мне всё это приснилось?

- Занятная история, да? – Я смотрела, как она корчилась под ремнями, силясь понять, подняться. Глупая дура. Я не для того теряла с тобой время, чтобы Господин наказали меня за то, что я не сделала. Если мне грозит наказание, то уж я оторвусь напоследок. Ты узнаешь всё, что о тебе известно мне. Ведь я демон искушения – и я предложу тебе знания. Я сумею искусить тебя так, что ты потеряешь разум окончательно. Господин будет вынуждены наказать тебя, а не меня, это ты хотела знать то, что тебе не положено. Вот и получай.

- Почему ты меня так ненавидишь? Что я тебе сделала? Если ты демон, то это твоя работа.

- Почему? Да потому, что не я эту работу выбрала. Господин меня создали специально для неё. А я этого не хотела. Но у меня нет выбора – я должна. А вас Господин создали для того, чтобы вы выбирали. Но вы всё делаете так, чтобы он исправляли ваши ошибки. И вы всё равно недовольны.

- Ты ненавидишь свою судьбу. Но при чём тут я?

- Да, свою судьбу я ненавижу, потому что её мне назначили Господин. Но тебя я обязана искушать. Вот и буду искушать до тех пор, пока Господин не покарают меня.

- А этой историей ты что хотела мне сказать?

Я встала и прошлась по тёмной камере. Иначе это место и не назовёшь. Буйных сюда упрятывали редко. Да и врачи заходили сюда только для того, чтобы колоть успокоительное. Или чтобы наказать строптивого – от таких уколов выворачиваются суставы, в судороге сокращаются мышцы. От таких болей одно спасение – не допустить их. Я видела этих слабых червяков, извивающихся под ремнями после таких уколов, слышала их вопли. Этой дуре повезло – ей обездвиживали тело, считая, что разум её и без того замутнён. И всё же, какая она глупая! Господин создали этих людей и носится с ними, как с любимыми игрушками, хотя они имеют наглость и не верить в него, в его существование. А нас он создали, чтобы мы служили – ему или им или и ему и им вместе. Грязные людишки. Слабые мелочные создания, хрупкие умом и телом настолько, что малейшее искушение лишает их разума. И вся власть ангелов и демонов подчинена им. Все наши возможности и умения брошены в подчинение и искушение им, этим слабым куклам. Игрушками Господина, которые мнят себя мудрее его, которые думают, что разгадали тайны жизни и смерти, а сами даже не знают, кто живёт в глубинах их океанов и вулканов и тех зон, которые они называют аномальными. Эта дура долгое время считала, что познала все тайны герметических наук, что Господин лишили её памяти и ума на время. Он разрешил вернуть ей память и разум, но скрыть некоторые знания. А она уже возомнила!

Я подошла к кровати и наклонилась над ней, приблизив на сколько могла, своё лицо к её.

- А знаешь ли ты, чем закончилась эта история?

- Чем же? – Она явно пыталась саркастировать.

- Когда заплаканная девушка с криком выскочила в слезах из его комнаты, его не могли добудиться дня два. А когда он очнулся, то кричал, что он вампир и его нужно обезглавить. Ничью кровь он не пил, но ненавидел чеснок, серебро и до смерти боялся солнечного света. Его упрятали в психушку.

- И что я должна на это сказать?

- Знаешь, как звали этого ненормального?

Она обречённо вздохнула. Сейчас ты удивишься.

- И как же?

Я сладко улыбнулась и медленно произнесла:

- Бодуэн Жан-Франсуа-Мари Лефевр, твой прадед.

Она помолчала, переваривая.

- И что?

- А то! – Я взорвалась. Она так ничего не поняла. – Твой прадед, его дочь, потом твой отец и ты – вы все окончили жизнь в психушке.

- Но я ещё жива, - слабо сказала она.

- Не беспокойся. Это ненадолго, - Я злорадно следила, как её лицо покрывалось бледностью.

- Когда? – одними синими губами спросила она.

- Когда Господин решат.

Я встала. Господин звали меня, чтобы наказать. Что ж, пора. Я своё дело сделала. Даже сверх того.

- Меня зовут. Мы больше не увидимся. Признаться, я не много потеряю, когда мы распрощаемся. Ты была на редкость глупой и нудной.

Я направилась к стене. Иду, Господин, иду.

Долгое время я то приходила в себя, то впадала в забытье. Уколы и электрошок, холодный душ и снова уколы, от которых мышцы сводило настолько, что я не могла крикнуть – мышцы горла словно деревенели. Снова и снова уколы, от которых кипел мозг и, казалось, что он вытечет через глаза. Электрошок и снова уколы, от которых я то спала всё время, то никак не могла заснуть.

Когда я очнулась в последний раз, в окно светило солнце. Я помнила всё. Всё, что когда-то прочитала, услышала, увидела. Я вспомнила лица своих студентов на лекциях и взгляды сотрудников в общей столовой университета Сорбонны. Я помнила восторг и недоверие первых и скрытую ненависть, неприязнь и зависть вторых. Я вспомнила, что, хотя и считаю себя молодой, мне уже сорок семь лет. И большую часть своей жизни я отдала разгадыванию загадок таинственных

наук. Да, я вспомнила, как утверждала, что нашла философский камень, оказавшийся не камнем и даже не жидкостью. Я вспомнила, как писала и издала статью о сокровищах катаров Монсегюра и тамплиеров Парижа времён разгрома ордена. Я вспомнила, как работала над докладом об истуканах острова Пасхи и первых пирамидах, об Атлантиде и путешествиях адмирала Чжен Хе вокруг света в XV веке, о Стоунхендже и рисунках плато Наска, о картах Пири Рейса и каменной карте тундры севера России. Да, я вспомнила всё. Все тайны мира мне известны. И чего я добилась этим? Я связана и заперта в сумасшедшем доме. Даже, если я выйду от сюда, кто мне поверит – сумасшедшей убийце, видевшей призраков? Сумасшедшая, у которой в роду были сумасшедшие каждое поколение? Боже, какая ирония! Ты дал мне знания, ты дал мне всю мудрость мира, ты раскрыл передо мной все тайны Земли – для чего?

- Многие знания приносят многие печали, - внезапно рядом с моим ухом раздался бесцветный голос. Я попыталась скосить глаза, но ничего не увидела.

- И не увидишь. Ты в бога веришь, потому что тебе в воскресной школе вдолбили, - снова раздался голос у другого уха. – От того ты меня и не видишь. Всякий представляет бога по-своему: для кого – седой старец с добрыми глазами, для кого – пожилая негритянка, для кого – мальчик с крылышками.

- Кто ты? – прошептала я. Я уже устала от этих загадок. Оказывается, не все тайны мира мне известны.

- Я твой Господин, - снова ответил голос откуда-то с потолка. – Я предлагал тебе то, что ты могла понять. Но тебе было мало. Пришлось тебя наказать.

- Так ты – бог?

- Ну, если хочешь, называй так. Хотя в нынешнее время это слово затаскали, и оно уже лишено смысла.

- Зачем ты со мной это сделал? – Мне было обидно и страшно, но я должна была понять.

- Ты меня не слушала, - В голосе послышалось раздражение. – Я же тебе уже сказал – ты хотела знать больше того, что могла получить и понять.

- Но ведь ты сам создал меня такой?

- Да, и дал тебе право выбирать – знать немногое, но быть в своём уме, или знать почти всё, но оставаться тут.

- Почти всё? – Я была вне себя. Я пожертвовала всем, чтобы знать всё, а оказывается меня обманули.

- Именно. Или ты думала, что я такой дурак, что одну тебя наделю абсолютными знаниями всего? – Голос рассмеялся. – Нет. До этого ещё очень далеко.

Мы помолчали. Я понимала – пришло моё время.

- Ты хочешь забрать меня? – обречённо спросила я.

- Ещё один маленький, как сказала тебе демон, тест. А потом я решу.

- Что за тест? – спросила я. Голос молчал. – Что за тест? – заорала я. – Какого чёрта ты издеваешься надо мной? Ты же всеведущ – ты заранее всё знаешь, так что ты собрался решать? Почему ты не оставишь в покое меня и мою семью? Тебе мало уже сведённых с ума?

Я орала и молотила руками и ногами как могла. На шум прибежали санитары, и один из них со всего маха вколол мне в предплечье иглу. Резкая боль пронзила руку. Я некоторое время ещё продолжала кричать и вырываться, а потом мне стало всё равно. Мне стало всё безразлично. Я стала равнодушна ко всему. И в течение нескольких дней меня так ничего и не встряхнуло. Мне даже развязали сначала ноги, а потом и руки. Но меня это не радовало. Если бы мне отрезали кисть руки или выкололи глаз – я бы только подставила их, ничего не говоря. Мне было всё равно.

Среди ночи меня разбудили крики и топот ног. В палату, куда меня вчера перевели, проникал мерцающий свет. Я лежала и смотрела на квадратные блики на моём одеяле. Неожиданно дверь распахнулась. Вбежал санитар в закопчённой одежде. Он сдёрнул меня с кровати и поволок к дверям.

- Шевели ногами, тупоумная бестолочь! У нас пожар!

Он выволок меня в коридор. Тут я услышала отдалённый вой сирены и почувствовала слабый запах гари. Санитар подхватил под руки ещё одного человека, стоявшего у стены спиной к нему. Остальных он, обернувшись, подгонял криком. Выволочив меня и ещё одного человека на улицу, он бросился внутрь за остальными.

Я безразлично огляделась. Вокруг бегали и суетились санитары и врачи. Некоторые пациенты выли, били себя по лицу и раскачивались как маятники. Некоторые неподвижно стояли там, где их поставили, как статуи или часовые на

посту. Я подняла глаза на здание: правое крыло его горело вовсю. Где-то выла сирена. Я смотрела некоторое время на этот хаос, а потом пошла, не глядя куда.

Я покружила вокруг клумбы перед входом. Затем подошла к решетчатому забору. Калитка была распахнута настежь – наверно для пожарных машин. Я вышла и пошла в сторону по дороге. За моей спиной галдели люди и сигналили машины. Я повернулась перейти дорогу и тут увидела, что на меня несётся чёрная масса с хаотическим собранием разноцветных огней и оглушительной развесёлой музыкой. Я пошла навстречу этой громаде и бормотала себе под нос слова одного из псалмов. Я широко открытыми глазами смотрела на то, что неслось на меня. Мои ноздри подрагивали как у зверя, чуявшего свою добычу. Изредка мои губы уродовала улыбка. Мои глаза смотрели, но словно не видели, словно смотрели в пустоту. Вдруг меня словно снова что-то пронзило током – я сильно вздрогнула, встряхнула головой и часто-часто заморгала. В этот момент я словно только сейчас услышала шум машины и развесёлую музыку, словно только сейчас увидела резкий свет фар, и дико закричала. Схватившись за голову, я медленно выпрямилась, продолжая кричать. Мои губы перестали кривиться, а ноздри дрожать. Я стояла, пригвождённая ужасом, замолчав и не шевелясь.

Внезапно откуда-то со стороны метнулась тень и, что-то проорав «Уходи, дура!», швырнуло меня на землю и само упало сверху. Чернота затопила меня, навалилась всей тяжестью, как крышка гроба…

Через секунду машина, сверкая огнями и грохоча бессмысленной музыкой, пронеслась мимо. Она быстро удалялась. Вместе с ней затихала и музыка. Все свидетели этой сцены стояли, боясь шевельнуться, с лицами белыми от ужаса и с немым криком на губах.

Наконец парень поднялся, отряхиваясь, и пытаясь улыбнуться, срывающимся голосом сказал своим друзьям, стоявшим неподалёку:

- Всё в порядке. Она проехала на волосок от меня.

Он взглянул на женщину. Та лежала без движения, и вокруг её головы растекалось красное пятно. Парень, вскрикнув, перевернул её и похлопал по щекам. Мёртвые глаза смотрели на звёзды, а рядом лежал булыжник, о который ударилась виском женщина, когда, спасая её, парень швырнул на землю. Он остолбенело смотрел на эти угасавшие глаза и вдруг вздрогнул – эти глаза изнутри начали светиться отблеском жизни. Он взглянул на лицо – на него набежал лёгкий румянец. Внезапно женщина моргнула. Парень отпрянул.

Ожившие глаза бессмысленно смотрели на него. К нему осторожно подошёл его друг.

- Она жива? – прерывающимся голосом спросил он.

Первый парень провёл дрожащей рукой по лицу.

- Да, но она ударилась головой, - Он вздохнул, переводя дыхание. – Это, наверно, пациентка психушки. У них там пожар.

Они оба посмотрели в сторону зарева.

- Надо бы унести её с дороги, - сказал второй. – А то ещё какой-нибудь псих проедет.

- Верно.

Они подхватили женщину за руки и за ноги и отнесли к обочине. Уложив её на тротуар, они сели рядом. Через несколько часов, когда потушили пожар, их нашли охранники и дюжий санитар, который вывел её из палаты. Эмоционально поблагодарив парней и долго тряся им руки, санитар с охранником отнесли женщину обратно. В наступающем рассвете я разглядела и молодых парней, которые от волнений ночи протрезвели, и санитара, и охранника. Я успела увидеть, что осталось от самой больницы.

- Хочешь вернуться? – спросил меня голос.

- Я ещё не всё знаю, - ответила я. - Теперь я отдала тебе всё? Теперь я могу узнать все тайны жизни?

Голос рассмеялся.

- А ты не сдаёшься.

- Ты сам меня такой сделал.

- Я перестарался.

- Твоя проблема.

Голос снова рассмеялся.

- Ну, хорошо. Пойдём, и я тебе ещё кое-что расскажу.

- Кое-что? Но не всё?

- Не торопись. Ты же всё-таки человек, а не Господь Бог.

Я бросила последний взгляд на удалявшееся здание. Мне будет не хватать земной жизни. Да и стоит ли вселенская мудрость хотя бы одного дня жизни на земле? А вот я и узнаю. И сравню.

Я повернулась спиной к прошлому и устремилась к знаниям будущего. Знаниям, доступным только мне одной.